

ЗАПИСКИ
ДОКТОРА.

ИЗДАНИЕ,

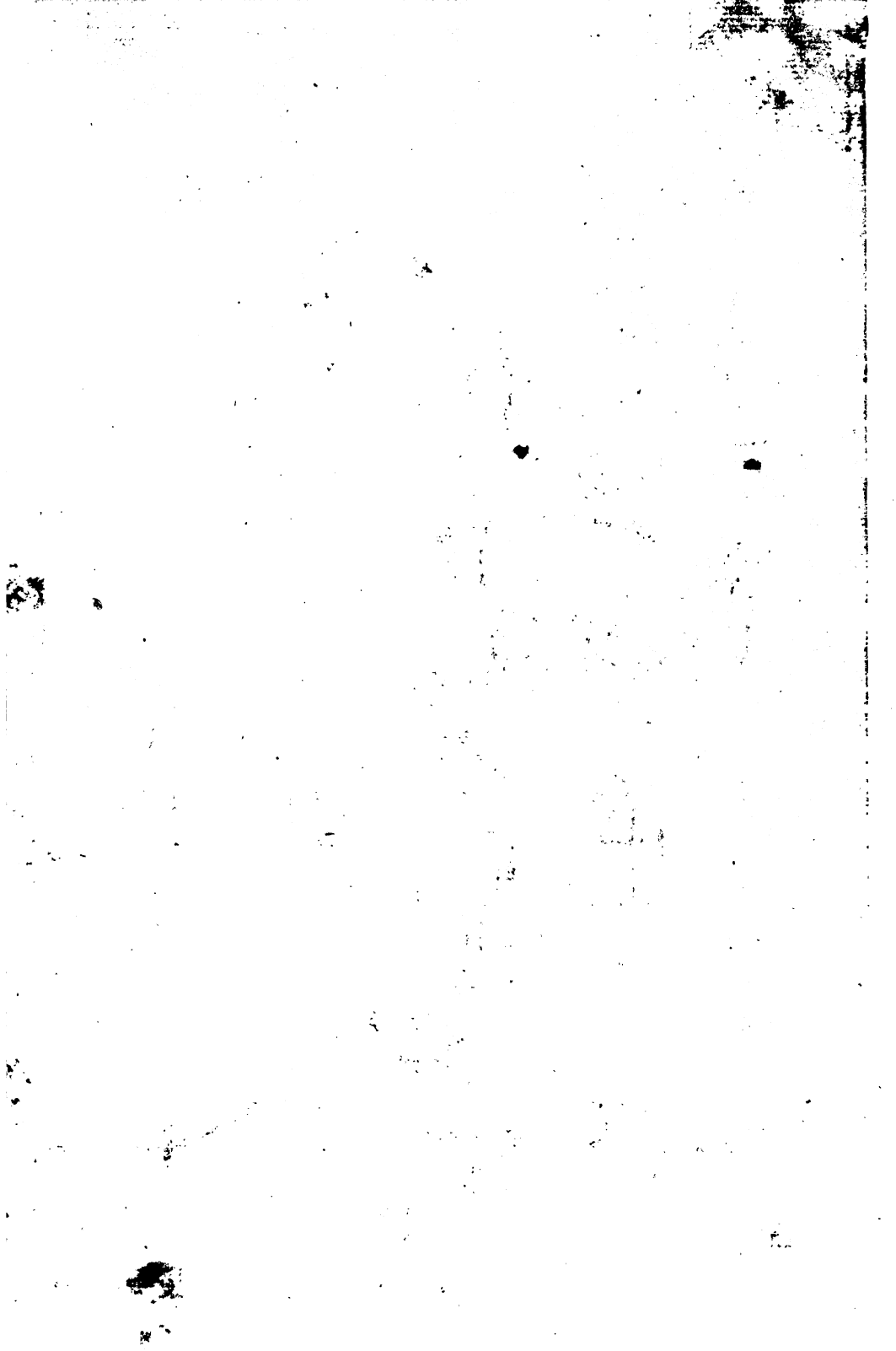
УКРАШЕННОЕ ДВАДЦАТЬЮ ТРЕМЯ
ХОРОШО ВЫПОЛНЕННЫМИ
ГРАВЮРАМИ.

КН. ПЕРВАЯ.

П. МАЛИНОВСКАГО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1846.

ЗАПИСКИ

ДОКТОРА.

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

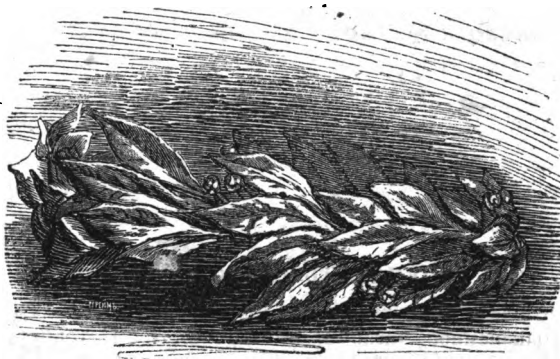
ЗАПИСКИ ДОКТОРА.

ИЗДАНИЕ,

УКРАШЕННОЕ ДВАДЦАТЬЮ ТРЕМЯ ХОРОШО ВЫПОЛНЕННЫМИ
ГРАВЮРАМИ.

КН. ПЕРВАЯ.

П. МАЛИНОВСКАГО.

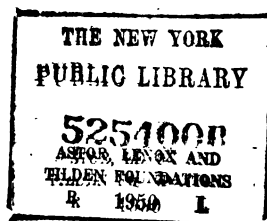

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ К. КРАЙЯ,

1846.

24

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Генваря 15 дня, 1846 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Я пишу не подъ диктовку воображенія, а рассказываю то, что было. Въ моихъ запискахъ я поведу васъ, читатель мой, по всѣмъ слоямъ общества, вездѣ, куда мнѣ позволяло проникать мое званіе и мои обязанности. Нерѣдко мы будемъ встрѣчаться съ людьми помѣшанными и это я сдѣлаю нарочно, да, нарочно, потому что число несчастныхъ, пораженныхъ этой страшной болѣзью, унижающею человѣка, становится больше и больше*, потому что помѣшательство избираетъ свои жертвы болѣе изъ классовъ образованныхъ, и мнѣ хочется, сколько разумѣю и сколько могу, выставить причины, отъ которыхъ развивается этотъ бичъ человѣчества и особенно тѣ причины, которыя каждый изъ насъ можетъ отдалить самъ и которыя, по незнанію, пренебрегаются и ведутъ за собою ужасныя, гибельныя слѣд-

* Еще въ 1840 году, въ Россіи было шестнадцать тысячъ помѣшанныхъ, извѣстныхъ правительству, а сколько еще такихъ, о которыхъ никто не знаетъ? Здѣсь не мѣсто разбирать: оттого ли число ихъ, *кажется*, больше, что теперь ими болѣе занимаются и эти несчастные болѣе приведены въ извѣстность? или оттого, *въ самомъ дѣлѣ*, они размножились, что помѣшательство идетъ объ руку съ разливающимся образованіемъ и особенно съ пороками образованія?... Къ-несчастью, это послѣднее не парадоксъ! Сильное размноженіе помѣшанныхъ уже обратило на себя вниманіе правительства.

ствія. Мнѣ хочется указать, какъ уничтожить зерно зла и не давать ему развиваться отъ незнанія.... Значить, я пишу не для того только, чтобъ насытить одно любопытство господъ читающихъ.

Быть-можетъ, вы будете упрекать меня за то что здѣсь найдется много лицъ, много характеровъ недобрыхъ.... но, дайте мнѣ, умоляю васъ, дайте мнѣ людей лучше тѣхъ, которыхъ я видѣлъ — и я вамъ буду писать вашихъ ангеловъ.... но дайте мнѣ ихъ!

Не угодно ли вамъ взыскательно спросить планъ каждого моего разсказа? Вотъ мой отвѣтъ: ни одному изъ своихъ разсказовъ я не давалъ и не имѣлъ никакого права давать произвольный планъ, иначе мнѣ пришлось бы исказить то, что было, исказить правду; я списывалъ случаи, людей и жизнь такъ, какъ они мнѣ являлись.... а укажите мнѣ, много ли людей прожили вѣкъ свой по плану? какіе случаи въ жизни встрѣчаются по плану?

Наконецъ позвольте мнѣ вамъ сказать откровенно, что я не люблю ни обманывать другихъ, ни стѣснять себя обѣщаніями и что мои записки, начатыя: *жизнью обыкновеннаго человека*, будутъ выходить въ неопредѣленные сроки. Я нисколько не приглашаю васъ подписываться на слѣдующія книжки и сколько ихъ будетъ не знаю; знаю только то, что въ каждой книжкѣ постараюсь помѣщать отдѣльные разсказы.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

ЖИЗНЬ ОБЫКНОВЕННОГО ЧЕЛОВѢКА.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS

ЖИЗНЬ ОБЫКНОВЕННОГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

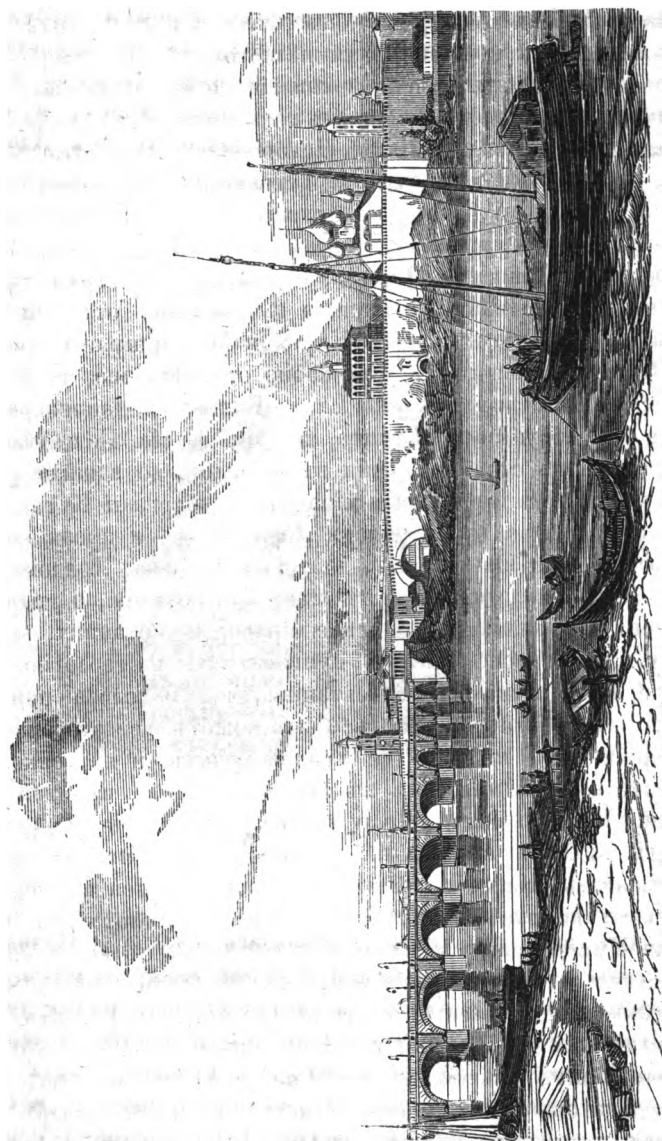
Ж Е Н А.

Скажите мнѣ, господа философы, и натуралисты, и психологи, вы, которые читаете и въ вѣдрахъ природы и въ душѣ человѣка, скажите мнѣ: есть ли на свѣтѣ слѣдное, безпричинное счастье и несчастье? Я: человекъ простой и такихъ трудныхъ задачъ разрѣшать не берусь; а знаю только, что иной человекъ, и не дальняго ума, и даже глуповатъ, и въ наукахъ недалеко ушелъ, и не очень оборотливъ, и не красавецъ, и лѣнится любить, и кланяться не охотникъ, а посмотрите — и денегъ у него есть, и чины получаетъ, и карьеру дѣлаетъ, и женится выгодно, и жена вѣрна, и живетъ онъ свой вѣкъ принимаячи; а другой и

уметь, и учонъ, и съ желѣзною волей, и трудится безъ отдыха, и собой хоть-куда, и добръ, и терпѣливъ, а всё понапрасну — живетъ онъ съ нуждою и горемъ, терпитъ лишения, вездѣ неудачи, то бѣдность безъ денегъ, то съ деньгами на душу тяжкія скорби — и мается вѣкъ свой до счастія въ гробѣ. А такихъ людей много, право много, и не дальше какъ теперь, я вамъ буду разсказывать объ Адаговѣ, ко-

торымъ весь его вѣкъ забавлялась судьба. Правда, судьба въ свою очередь забавляется и всѣми нами, но рѣдко съ такимъ постояннымъ ожесточеніемъ нападаетъ она, рѣдко такъ безжалостно и такъ долго гонитъ одного и тогоже человѣка, какъ гнала Адагова; сердце обливается кровью, когда вспоминаю о всѣхъ лишеніяхъ, которые перенесъ онъ, о всѣхъ несчастіяхъ, которые онъ вытерпѣлъ — и которые, одно за другимъ, почти безпрестанно падали на его голову. Адаговъ родился назадъ тому лѣтъ семьдесятъ пять, въ губернскомъ горо-

дѣ, не получили того блестящаго, всеобъемлющаго образованія, какое даютъ нынѣшней молодежи, и, будучи тогдашнимъ довольно образованнымъ офицеромъ, онъ, быть-можетъ, сталъ бы въ-ту-пикъ передъ теперешнимъ гимназистомъ.... Да! затроньте-ка теперь, вы, господа очень пожилые, нашу молодежь, такъ сами будете не рады: она засыплетъ васъ своею ученостью; она знаетъ все, все безъ исключенія: и Исторію отъ Геродота, до Жиббона, Гольдсмита и Нибура; и Астрономію отъ Халдѣевъ до Гершеля и Франсуа Араго; и Математику отъ Пиногора до Лапласа, Ле-феврь де Фурси и Остроградскаго; и законы отъ Моисея до Монтеスキю, Бонсенъ и Генеля; и механику отъ Архимеда до Уата, Понселе и Брюнлина; и ученые путешествія отъ Финикіянъ до Гумбольдта, Жака Араго и Эйріе; и Медицину отъ Асклепіадовъ до Беля и Шенлейна; и Философію отъ Платона, до Канта и Кузена; и скульптуру отъ Фидіаса до Кановы и Даннекера; и живопись отъ Героглифовъ Египта, до Рембрандта, Ге и Айвазовскаго; и языки отъ столпотворенія въ Вавилонѣ до нашихъ временъ; и Инфузорій отъ сотворенія міра до Эренберга и Куторги; и поэзію отъ Гомера до Байрона и Лермонтова; и прозу отъ тайны писать безошибочно въ и е, до тайнъ Парижа, Лондона и Берлина. Наша молодежь знаетъ всё; и агрономію, и гидравлику, и гигиену, и химію, и римское право, и ботанику, и архитектуру, и товаровѣденіе, и нумизматику, и геологію, и френологію, и баллистику, и оскультацию.... и.... и голова пойдетъ кругомъ оттого что она знаетъ; быть-можетъ все это знаетъ очень поверхностно, да вѣдь не всякой хочетъ, и не всякой можетъ испытать нашу молодежь въ этихъ знаніяхъ, въ этой энциклопедіи. Тотъ, о комъ я буду рассказывать, то есть Адатовъ, совсѣмъ не былъ похожъ на ходячую энциклопедію и не-любилъ выказывать своихъ познаній; онъ воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, а оттуда поступилъ во флотъ, въ то время, когда Императрица Екатерина вела войну съ Швеціей, съ надмѣннымъ и задорнымъ Густавомъ Третьимъ (въ 1788 и 1789 годахъ), когда русской балтійской флотъ по смерти адмирала Грейга былъ подъ распоряженіемъ Чичагова, а шведскимъ командовалъ братъ короля Густава Третьяго, герцогъ Зюдерманландскій. Адатовъ былъ сперва въ копенгагенской эскадрѣ Козлянинова, а потомъ въ Паркалаудѣ (Parkaland), гдѣ Русскіе имѣли важный морской постъ. Такъ какъ служба нашего молодого моряка не имѣетъ никакого отношенія къ теперешнему разсказу, то оставимъ ее всторонѣ и, если вамъ угодно; познако-

нился ближе съ героемъ этого разсказа. Федоръ Николаевичъ Адаговъ былъ природно уменъ, твердъ волей, терпѣливъ, добръ, хорошо сложенъ, мастеръ говорить и еще болѣе мастеръ дѣлать помолчать; онъ могъ чувствовать и чувствовалъ сильно; но былъ поставленъ въ такія обстоятельства, что поневолѣ узналъ всю трудность жить безъ состоянія, узналъ въ чемъ и на сколько можно вѣрить людямъ, а слѣдовательно сдѣлался осторожнымъ, научился владѣть собою, часто подавлялъ свои чувства и жилъ больше головой.

Сначала, когда былъ очень молодъ, онъ бредилъ славой, честолюбіе не давало ему покоя, потомъ какъ по большей части случается, онъ сталъ находить, что никакая слава не можетъ быть вѣчною; потомъ спрашивалъ себя: да будетъ ли мнѣ оттого лучше, если по смерти и закричатъ обо мнѣ?..... разбиралъ средства къ достиженію славы и видѣлъ, что эти средства не всегда бываютъ чисты и честны; что славолюбцамъ иногда приходится столкнуть или раздавить того, кто стоитъ на дорогѣ къ цѣли; что они для своей славы жертвуютъ всѣмъ, часто не исключая и своей совѣсти..... Адаговъ обо всемъ этомъ подумалъ — и далъ себѣ слово, стараться быть полезнымъ себѣ и другимъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какія поставитъ его судьба.

Случай чрезвычайно прихотливъ; иногда онъ дѣлается нашимъ врагомъ и господиномъ, а иногда другомъ и слугою. Теперь онъ услужилъ Адагову. Прошло болѣе полугода, какъ Федоръ Николаевичъ познакомился съ семействомъ Доренскихъ и ѣздилъ къ нимъ часто; часто потому что все семейство было очень любезно, потому что тамъ была хорошенькая и умненькая молодая дѣвушка и потому что между Адазовымъ и этой дѣвушкой начинала раждаться взаимность.

Нерѣдко Адаговъ, вечеромъ, возвратившись отъ Доренскихъ, долго ходилъ скорыми шагами взадъ и впередъ по своей комнатѣ; нерѣдко мучась безсонницей невольно повторялъ имя Надежды; нерѣдко смотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, и съ дурной и съ хорошей на свою будущность, рассчитывалъ какъ и чѣмъ жить — разсчитъ ему нашенчывалъ, что женатому будетъ жить трудно, почти нечѣмъ; честолюбіе говорило ему: ты женитьбой испортишь свою будущность, ты будешь пришить къ платью жены, ты не приведешь въ исполненіе ни одного изъ своихъ плановъ... Адаговъ глубоко вздыхалъ, голова его горѣла, и закрывши руками лицо, онъ бросался въ постель; но тутъ воображеніе рисо-